

Рассказ Зевса

Облегчение - это единственное, что я могу придумать, чтобы описать свои чувства по поводу недавней встречи моей древней жены и моего младшего ребенка. Последние пятнадцать лет Гера бесконечно играла со мной и моими страхами, доказывая, что Гаррисон ей небезразличен, но при этом огрызаясь на меня, когда я пытался заставить ее признать это.

И все же услышать наконец от самой Богини, что она не винит моего сына в моей неверности - в который раз - это истинное облегчение, и хотя мне жаль, что Гера не стала такой игривой после встречи с Сириусом, я все же считаю, что это подходит Богине дома и семьи, ведь всегда можно вот так подшутить над близкими.

Затем я смотрю на двух из трёх смертных, которые больше всего дороги моему сердцу, и хотя - больше всего на свете - мне хочется, чтобы нашёлся способ оживить Талию, хотя бы для того, чтобы у Гаррисона появился настоящий брат или сестра, я знаю, что пока что моих мальчика и девочку придётся разлучить, поскольку я просто не могу придумать ни одной формы магии, которая могла бы освободить мою дочь.

Я, конечно, верила, что есть способ, когда узнала о том, что философский камень находится в Хогвартсе, но этот шанс был отнят у меня, когда Дамблдор - не зная о моих проблемах, благословите его, - уничтожил его, чтобы другие воры больше не смогли заполучить его, видя, какую опасность он представляет для моего сына.

Это и взбесило, и обрадовало меня, так как я ненавидел упущенный шанс вернуть моей дочери естественный человеческий облик, но в то же время я испытал облегчение, узнав, что директор не предполагал, что мой сын окажется так близко к Дверям моего брата, и этот факт до сих пор заставляет дрожь жуткого страха пробегать по моему обветренному позвоночнику.

Не отрывая взгляда от сына, который теперь вопросительно смотрит на меня, гадая, когда же я начну экскурсию и что я должен ему показать, что, по моему мнению, не менее важно, чем проект, который открыла ему Гера, я думаю: "Если ты что-то и испытаешь с этого дня, сын мой, так это покой. Я обещаю тебе это, дитя мое".

И хотя я знаю, что не могу поклясться в этом на Стиксе, так как в царстве смертных слишком много факторов, которые могут заставить меня нарушить эту клятву, я решаю показать ему, что так важно. Я подхожу к нему, кладу руку на небольшую часть его спины и провожаю его до лестницы, Сириус следует за нами с любопытной искоркой в глазах.

Я поднимаюсь по лестнице на самую вершину горы, указывая на несколько храмов и домов богов и богинь, с которыми, как я знаю, мой сын будет постоянно контактировать в связи с планами, которые мы надеемся осуществить в самое ближайшее время, не говоря уже о том, что большинство из них часто остаются на Олимпе на длительное время.

Указывая на храм Афины, где сама Богиня изучает древнейшие и новейшие скрипты и фактически пишет на их основе новые, помогая Смертным развиваться через написанные ею скрипты, я объясняю, как это работает, говоря следующее: "Сценарии напрямую связаны с сознанием ее детей и внуков.

Когда один из них выбирается свитком, они, как правило, уже не в возрасте и завоевали

репутацию среди себе подобных, что помогает им привнести в мир новую идею, упростив тем самым жизнь окружающим их смертным. После этого они всегда благословляют ее, посылают ей свиток с отчетами и жертвуют что-то важное в ее честь".

Харрисон с трепетом смотрит на храм и спрашивает: "Значит, боги все еще помогают смертным, даже если они считают олимпийцев всего лишь мифами?" Я киваю, прежде чем Сириус говорит: "Именно потому, что они считают их мифами, боги все еще существуют, Гарри". Это заставляет мальчика посмотреть на свою мать, а Сириус смотрит на меня, прежде чем сказать:

"Боги черпают свою силу из мира смертных. Чем больше смертных верят в них, тем они сильнее. Вот почему они были так могущественны и так сильно присутствовали в первую эпоху, когда их открыли. В них верила вся Греция - тогдашняя держава мира".

"А как же тогда, когда римляне захватили власть?" растерянно спрашивает Гарри, все мы остановились на полпути вверх по лестнице, и я отвечаю: "Я и римлянин, и грек, Харрисон. Я и Юпитер, и Зевс. Я - все то, чем, по мнению смертных, должен быть король их религии. Единственное, кем я не являюсь, - это богом, поскольку в этой религии есть только один бог".

Гарри кивает и спрашивает: "Значит, когда греков захватили римляне..." И я киваю, прежде чем сказать: "Мы стали римлянами. Точно так же, как мы стали божественной силой религии, которая пришла после этого и той, которая пришла после этого. Мы всегда подстраивались под ту религию, которая была самой сильной в ту эпоху и в том месте, где мы живем".

"Но как же быть сейчас? Я имею в виду, что римская история и мифология так же известна и знаменита, как и греческая, а христиане, иудеи и ислам в наши дни еще более известны." Харрисон спрашивает, на его лице большое облако замешательства, и я улыбаюсь ему, говоря: "И поэтому нам позволено выбирать формы.

Мы можем выбирать те формы, в которых нам удобнее всего, когда нам заблагорассудится, если только люди продолжают верить в нас. Просто у нас самый тесный контакт с нашими греческими детьми-полубогами, поэтому большую часть времени вы будете видеть нас в греческой форме. Иногда, кстати, мы можем переходить на римскую форму, но это почти никогда не происходит".

На это Сириус кивает и говорит: "Кажется, я испытал это только один раз, верно? Это..." Но тут я посылаю ему укоризненный взгляд, так как тоже помню ту ночь, когда я потерял контроль над своим римским "я" и когда Юпитер взял под контроль отношения между мной и Сириусом, и одного этого взгляда достаточно, чтобы заставить Сириуса замолчать, а Харрисона покраснеть.

Затем я возвращаюсь к тому, чтобы вести свою семью дальше вверх по лестнице, и когда мы достигаем точки в три четверти, я веду их по единственной тропинке справа от лестницы, которая имеет несколько поворотов и завихрений, и на которой облака собираются вместе и быстро движутся по обеим сторонам тропинки, но никогда не затуманиваются.

Гарри с удивлением смотрит на облака, и я говорю: "Я сам создал их, когда ковал этот путь. Это было около 2500 лет назад, когда мы еще только строили несколько мест и домов на нашей горе, после того как нас стали немного больше уважать и приветствовать люди из Смертного царства. У некоторых других богов тоже есть такие тропы".

Гарри переводит взгляд с тропы и облаков на меня и спрашивает: "И ты управляешь облаками, которые движутся по этой тропе?" На что я киваю и отвечаю: "У всех богов есть один путь на этой горе, который они полностью контролируют. Она ведет к их личным храмам и домам, в то время как у большинства из нас есть тропинки, ведущие к домам, которые мы делим с нашими супругами".

"А как же смертные, с которыми связываются Боги?" спрашивает мой сын, и хотя я очень рад, что мальчик так любознателен, поскольку это доказывает, что он чувствует себя здесь как дома, я отвечаю: "До сих пор редко случалось, чтобы мы, Боги, брали смертного на Олимп, но когда мы это делали, большинство из нас часто приводили их в свои личные покои".

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353173>